

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

Гура Александр Викторович

**Символика животных
в славянской народной традиции
(Опыт этнолингвистического исследования)**

Специальность 10.02.03 - Славянские языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

Гура Александр Викторович

**Символика животных
в славянской народной традиции
(Опыт этнолингвистического исследования)**

Специальность 10.02.03 - Славянские языки

**Автореферат
диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Москва 1998

Работа выполнена в отделе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН

Официальные оппоненты: *доктор филологических наук*
В.М. Гацак

доктор филологических наук
Т.И. Вендина

доктор филологических наук
А.Д. Шмелев

Ведущая организация - **Институт языкознания РАН**

Защита состоится “ ” 1998 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.97.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте славяноведения РАН по адресу: Москва, Ленинский проспект, 32 А, 9 этаж.

С диссертацией (монография: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997, 912 с., 57 п.л. Серия «Традиционная духовная культура славян» / «Современные исследования») можно ознакомиться в библиотеке Института.

Автореферат разослан “ ” 1998 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.И. Ермакова

© Институт славяноведения РАН

Исследование представляет собой опыт семантической реконструкции одного фрагмента традиционной славянской картины мира - народной зоологии, т.е. народных представлений о животных, отраженных в языке (лексике и фразеологии), фольклоре, верованиях, обрядах, народном искусстве и т.п. Уровень семантической интерпретации материала находится в прямой зависимости от выбранного масштаба исследования. Ни одна локальная традиция не дает в этом смысле таких возможностей, как общеславянские рамки исследования. Максимально возможный учет локальных вариантов в пределах славянского мира повышает надежность реконструкции, поэтому существенное значение придается в диссертации ареальному анализу фактов.

Работа носит комплексный характер и основывается на данных лингвистики, фольклористики и этнографии. Комплексный анализ материала позволяет понять принципы организации символического языка культуры, выявить специфические структурно-семантические особенности народной зоологии и ее отличие от научной классификации животных, увидеть тесную связь этого отдельно взятого фрагмента общей картины мира с другими сферами духовной культуры и дает возможность судить о внутреннем устройстве всей системы мифологических представлений в целом. Народная зоология пересекается с другими сферами традиционных представлений о мире: она затрагивает космологию, демонологию, человека, народный календарь и т.д. В таком переплетении, взаимосвязи и взаимообусловленности разных элементов системы мифологических представлений проявляется принципиальная интегральность языка культуры.

Для всестороннего культурологического анализа данного круга представлений необходим был учет всего комплекса форм и жанров традиционной народной культуры. Описание животных с помощью системы смыслоразличительных признаков ставит в один ряд и как бы уравнивает и объединяет в одной плоскости материал разного уровня и характера (поверья, обряды, фольклорный, книжный, языковой, иконографический материал), но каждый из этих источников привлекается к анализу лишь в той мере, в какой он необходим для раскрытия мифологической символики.

Существенная роль в этом отношении принадлежит языковым фактам. Как хранитель культуры и средство символического мышления, язык служит важнейшим источником для реконструкции мифологических представлений. Особую ценность представляет для нас сама зоологическая терминология. При отсутствии других данных именно названия животных, представленные в славянских языках и диалектах, способны прояснить его мифологическую семантику, как это имеет место, напр., в случае с божьей коровкой и стрекозой. Такое отношение к языковому материалу, в первую очередь к терминологии духовной культуры, характерно для статей этнолингвистического словаря «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого (т. 1. М., 1995). Подобный

подход присущ работам люблинской этнолингвистической школы (прежде всего подготавливаемому под руководством проф. Е. Бартминьского «Словарю народных языковых стереотипов»), а также целому направлению в лингвистике, связанному с изучением экстралингвистического содержания языка и воссозданием языковой картины мира (работы Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, С.Е. Никитиной и др.).

Задачи исследования. Монография ставила целью установить набор смысловоразличительных признаков животных как особых мифологических персонажей и построить модель для возможно более полного описания представлений о животном мире в славянской народной традиции в целом; на широком сопоставительном материале всех славянских традиций в его разнообразных формах и жанрах выявить специфическую мифологическую символику каждого отдельного животного и одновременно целых их групп и классов; воссоздать целый фрагмент картины мира, выявить зоологический код языка культуры, раскрыть его глубинный смысл, функциональное назначение и внутреннюю организацию.

Актуальность и научная новизна. В современной отечественной этнографии и фольклористике нет обобщающих исследований в данной области народной культуры. Труды обобщающего характера, посвященные данной теме (А. де Губернатиса и В. Клигера), относятся к XIX и началу XX вв. и значительно устарели в методологическом отношении. В отличие от имеющихся работ по символике отдельных животных, диссертация дает представление об этой области славянской народной культуры в целом как части общей картины мира, а также о внутреннем устройстве этой системы традиционных представлений.

Методы. Работа представляет собой опыт комплексного этнолингвистического исследования. Она демонстрирует применение сравнительного, ареального и компонентного методов анализа материала. Присутствует двойной подход к предмету исследования: от общего к частному и от частного к общему. Сплошной сравнительный анализ материала и его препарирование на языковом, морфологическом, акциональном и других уровнях сочетается с выявлением конкретной символики всех отдельных представителей животного мира. Методологическая значимость такого подхода заключается в том, что он может быть применен для анализа других фрагментов системы мифологических представлений.

Практическое значение. Результаты исследования находят отражение в первом томе упомянутого выше словаря «Славянские древности» (статьи: Аист, Белка, Блоха, Бобр, Волк, Воробей, Ворон, ворона, Вошь, Выдра, Вьон, угорь, Гады, Гнездо, Голубь, Горностай, Гусеница, Гусь), а также в словаре «Славянская мифология» (М., 1995; статьи: Жаворонок, Заяц, Кукушка, Ласка, Ласточка, Лягушка, Медведь, Мышь, Орел, Рыбы, Ящерица и др.). Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы в курсах по славянской сравнительной лексикологии и семасиологии, сравнительной мифологии, при

создании мифологических словарей, словарей символов и т.д.

Источники. Для воссоздания картины животного мира в его традиционном народном восприятии и осмыслении потребовался учет разного рода источников, роль и значение которых в плане реконструкции мифологических представлений неравноценны. К ним относятся различные формы народной культуры, разнообразные фольклорные и книжные жанры, языковой, иконографический материал, исторические свидетельства. Общеславянский аспект исследования предопределил привлечение к анализу материала всех славянских традиций. Использованы сводные фольклорно-этнографические источники по отдельным славянским традициям (сборники Т. Джорджевича, Д. Маринова, О. Кольберга, С. Килимника и др.), работы по символике отдельных животных (серии статей Н.Ф. Сумцова и Э. Маевского, работы В.Н. Топорова, О.А. Терновской, Р. Попова и др.), исследования, посвященные животным и териоморфным мотивам в языке, в различных формах народной культуры, в фольклорной и книжной традиции (напр. книги Д.К. Зеленина о табу, Г.С. Масловой об орнаменте вышивки, К. Голейзовского о народной хореографии, Е.А. Костюхина о животном эпосе). Использованы данные диалектных словарей, фольклорных указателей. Особо следует сказать о полевом и архивном материале. Работа написана на обширном и в значительной степени новом, ранее неизвестном материале - полевом, собранном автором в Полесье, в восточной Польше и на Русском Севере, и извлеченном из многочисленных архивов России, Украины, Польши и Болгарии.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух частей, заключения и справочного аппарата. Часть I содержит схему описания животных. Часть II состоит из четырех глав: 1. Звери, 2. Гады и насекомые, 3. Птицы, 4. Рыбы. Внутри глав материал сгруппирован по отдельным группам и видам животных. Справочный аппарат включает принятые сокращения источников (библиография в алфавитном порядке сокращений, с. 763-821), предметно-тематический указатель (с. 822-908) и список сокращений (с. 909-910).

Во **Введении** (с. 9-28) представлен обзор литературы по теме, дана характеристика предмета исследования и обоснованы методологические принципы анализа. Сопоставительный анализ материала разных славянских традиций позволяет вычлнить набор смысловозначительных признаков, необходимых для полного и всестороннего описания животных. Одни признаки характеризуют свойства животного, постоянно присущие ему как данность (наименования, особенности внешнего облика, характера, генезиса, «социального» и иерархического положения, наличие атрибутов). Другие признаки соотносятся с действиями животного - безобъектными (акустические проявления, речевые характеристики, сон, плач, снование, мельтешение и др.) и направленными на объект (различные виды вредительства, наказания, помощи и т.д.), с которыми связаны модусы (передвижения, появления, исчезновения). Третья группа признаков характеризует животное как объект воспроизведения (имитация внешнего вида, повадок, крика, превращение в животное),

использования (в ритуально-магических целях, в качестве оберега, для лечения, в гаданиях, играх и т.д.) и воздействия (коммуникация с животными, их задабривание, нейтрализация, изгнание и т.д.). Каждому из образов животного мира в народной культуре соответствует свой совокупный инвариантный набор характерных признаков, который соотносится с конкретным набором признаков, засвидетельствованным у данного образа в отдельно взятой локальной традиции. Единый комплекс признаков, накладываемый на отдельные образы животных, позволяет выявить типологические различия и сходства между животными персонажами, выявить специфику каждого из них.

Путем сравнительного анализа определяется минимальный набор смыслообразительных признаков, на основе сочетания которых (пучка дифференцирующих признаков) традиционное сознание членит животных на отдельные большие группы, или классы. Это следующие признаки: единичность - множественность (признак, часто сопровождаемый другим: крупный - мелкий), локус (место постоянного, обычного пребывания) и модус передвижения. Применяемые в комплексе, они дают возможность вычлениить четыре основных класса животных: звери, гады (с подгруппой насекомых), птицы и рыбы. Народную классификацию отличают от естественнонаучной следующие особенности: меньшее число классов и иной их состав; подвижность, нежесткость классификационных рамок (возможны гибридные виды, совмещающие в себе признаки разных классов животных, напр. зверя и птицы, гада и птицы); смешение, неразличение разных видов животных (объединение их в один персонаж, напр. змеи и угря, кукушки и ястреба); превращение одних видов животных в другие (мыши в летучую мышь, волчицы в рысь, ласточек в лягушек, дрозда в сизоворонку и т.п.); наличие фантастических видов, реально не существующих в природе.

Особо рассмотрен вопрос о соотношении между животными и демонологическими персонажами. Между ними не всегда возможно провести четкую грань, особенно в тех случаях, когда в сходных функциях выступают демон в зооморфной ипостаси и животное, за которым закреплен термин, отражающий его демонические признаки (ср. напр. *домовика* - ласку и домового). Демонологические персонажи частично вовлекаются в сферу нашего исследования (животные-оборотни, летающий змей, выдра в облике девы и др.).

Важнейшей сферой применения зоологического кода являются представления, связанные с человеком. Особенно характерно в этом отношении использование названий животных в языке для передачи физических свойств и особенностей характера человека. Через образы животных передаются человеческие взаимоотношения в сказках о животных, в песенном фольклоре - семейные отношения. Зоологический код используется как средство классификации или характеристики различных предметов и явлений, и прежде всего как средство их языковой номинации (в сфере растительного мира, метеорологии, астрономии, медицины и т.д.). В загадках с помощью животных кодируются самые разнообразные предметы и явления окружающего мира. В

иконографической сфере зоологический код находит различное применение в эмблематике, книжной миниатюре, в зверином стиле орнаментальных украшений и т.д. Названия животных используются в ономастике: в топонимии, в антропонимии - в качестве прозвищ и фамилий, реже - личных имен. Названия отдельных животных могут присваиваться домашним животным со сходной окраской в качестве кличек.

Часть I (с. 31-118) включает схему описания животных с соответствующими примерами и необходимыми теоретическими комментариями. Она представляет собой классификацию признаков животных, выявляющую характерные черты животного на разных уровнях - языковом (названия животных, табуистические наименования, имена собственные, эпитеты), морфологическом (внешний облик и состояние, стадия развития, целое или вычлененная часть тела, атрибуты), «социальном» (статус животного, его национальные и т.п. признаки, коррелятивные характеристики, связи и отношения с другими персонажами и объектами, генезис) и акциональном (характерные занятия, различные действия животного, их функциональная направленность, взаимодействие с животным, использование его как объекта). Особо выделяются модусы, локативные и темпоральные характеристики. Схема разработана с учетом использования ее не только для описания животных, но и применительно к другим темам, поэтому по образцу указателя сказочных сюжетов в ней предусмотрены свободные номера для функций и предикатов, которые могут оказаться существенными в других тематических комплексах народных представлений.

Признаки классифицированы в схеме следующим образом:

I. Названия, имена, интерпретации: названия (способы номинации, табуистические, поэтические наименования); эпитеты; имена собственные; интерпретация, оценка).

II. Ипостаси: зооморфная; аморфная; нулевоморфная; антропоморфная; атмосферное, небесное явление, стихия; фантастическая, гибридная (зооморфная, антропо-зооморфная, фито-зооморфная, предметно-зооморфная и т.п.).

III. «Социальный статус», характеристика внешнего облика: дикий - домашний; мужской - женский; пол; возраст; национальные признаки; рост, размер; вес; телесные аномалии; знаки на теле; красота - безобразие; цвет; запах; колючесть; дополнительные характеристики; наличие души; средоточие силы.

IV. Состояние: живое (в т.ч. особая стадия развития); неживое (в т.ч. целое или часть тела).

V. Атрибуты, спутники: части тела, выделения, кровь; предфремметы; жилище; спутники.

VI. Взаимоотношения животных персонажей: количественные характеристики (одиночность, парность, семейственность, стайность, множественность); иерархия и специализация внутри данного класса (глава стаи, вида, класса и т.п.); отношение к другим животным персонажам (родство, дружба, вражда и т.п.).

VII. Отношение животных персонажей к мифологическим: родство, дружба, вражда; наличие патрона, покровителя, «хозяина».

VIII. Генезис. А. Источник происхождения: человек; душа умершего, предка, спящего; мифологический персонаж; животное; растение; вещество; предмет. Б. Способы: превращение, обращение (в наказание, путем колдовства, самопроизвольно и т.п.); изготовление, сотворение; рождение от человека. В. Происхождение особенностей внешнего облика.

IX. Локусы: место постоянного пребывания (нежилое или обитаемое человеком пространство, тело человека или животного, мифическое пространство), зимовья, появления (в т.ч. крика), исчезновения, изгнания, выведения потомства, изменения облика, локализация в фольклорных текстах, дополнительные характеристики (закрепленность - незакрепленность локуса за животным, пространственная ориентация).

X. Время: пробуждения, появления весной, устройства жилья, спаривания и свадеб, окончания крика и пения, исчезновения, разгула, изгнания, убиения, поедания и т.д., срок заклатья. Характер времени: время суток, календарные праздники, дни недели, фазы луны и т.п.

XI. Модусы: передвижения (ходить, бегать, ползать, летать, плавать, скакать, верхом на животном), появления (на свет, весной), исчезновения.

XII. Свойства, способности, пристрастия: способность к метаморфозам (оборотничество или частичное изменение - части тела, размеров, пола, возраста, голоса); долголетие - недолговечность; ядовитость; способность видеть нечистую силу; психические, физические свойства; пристрастие к определенным локусам, условиям, видам еды - непереносимость некоторых из них.

XIII. Характерные занятия, действия, привычки: акустические проявления (звуковые, речевые), знаки и следы присутствия; типичные занятия, образ жизни (уход за собой, плач, щекотание, сосание, дутье и т.п., занятия ремеслом, колдовством и т.п.).

XIV. Функции и предикаты: злокозненные действия (сбивать с пути, пугать, вызывать стихии, насыпать болезни, мучить, отравлять, умерщвлять и т.п.); попечительные действия (наделять богатством, умением, чудесным предметом, помогать, защищать, отвращать нечистую силу и т.п.); патронаж (покровительствовать скоту, приносить детей, охранять клады, источники и т.п.); прочие предикаты (сожительствовать с людьми, взаимодействовать с другими животными, мифологическими персонажами, растениями, предвещать, определять временную границу, совершать демиургические действия и т.д.).

XV. Объекты, адресаты, реципиенты: адресаты действия (беременные, новорожденные, покойники, нарушители запретов, души умерших, другие животные, мифологические персонажи и т.д.); объекты патронажа, сферы действия животного персонажа (предметы, локусы, стихии, скот, растения и т.д.); реципиенты.

XVI. Животное как объект. А. Объект воспроизведения: имитация (внешнего вида, движений и повадок, крика); превращение в животное (самообращение,

обращение другого человека). Б. Объект использования: смотрение; называние, упоминание; причинение вреда; охота; убийство, казнь, принесение в жертву; похороны, закапывание; вывешивание; поедание; гадания по животному и т.д. В. Объект воздействия, коммуникация с животными: приглашения; вступление в родство; приветствия, благопожелания; приношения, кормление; просьбы, причитания; диалоги; насмешки, угрозы; воздействие на поведение; насылание; обереги, изгнание и т.п.

XVII. Характерные мотивы (напр. свадьба птиц, язык животных, добывание «разрыв-травы»).

XVIII. Характеристика источников сведений о животных (обряды, фольклорные, книжные жанры, лексика и фразеология, иконография и орнаментика, исторические свидетельства).

Схема построена таким образом, что одно и то же поверье, ритуал или фольклорный мотив может быть препарирован и разнесен в схеме по разным рубрикам. Напр.: в обычае вешать в хлеву шкуру козла, чтобы ласка не мучила скотину, шкура - атрибут (часть тела) козла и объект вывешивания, ласка - объект (адресат) отвращающего воздействия, изгонять, оберегать - предикат, попечительное действие, направленное на скот, функция козла, скот - объект оберега.

Часть II (с. 121-758) - это «портретная галерея» животных. Ее открывает **Глава 1**, посвященная диким зверям (с. 121-272). В ней 7 параграфов: Общая характеристика; Волк; Медведь; Заяц; Куны и другие пушные звери; Еж; Крот.

Выделение диких зверей в особый класс животных возможно на основании способа их передвижения (ходьба, бег) в сочетании с местом их постоянного пребывания (лес, поле, горы). Эти локусы противопоставлены обитаемому человеческому пространству и часто воспринимаются как чужие и опасные. У животных других классов, в частности у гадов и ряда насекомых, те же пространственные характеристики сочетаются с иным модусом передвижения: «ползать» или «летать». Признак единичности или множественности выступает применительно к зверям как вспомогательный, лишь в комплексе с двумя другими: в различных формах и жанрах народной культуры именно звери обычно выступают как самостоятельные, одиночные персонажи - пожалуй, только волки могут иногда фигурировать собирательно (хотя обычно все же не как неупорядоченное множество, а как отдельная стая).

Образы зверей в наибольшей степени индивидуализированы: каждый из них наделяется своей особой, специфической символикой, и кроме уже упомянутых признаков, у них не выявляется каких-либо других общих функций и символических значений, которые объединяли бы их в одно целое. Общность функций и символических признаков наблюдается лишь в подгруппе пушных зверей, основу которых составляют животные семейства куньих (куница, соболь, горноста́й, барсук, росомаха, выдра и др.) во главе с лаской как центральным, наиболее мифологизированным и символически многозначным их представителем. Символика, свойственная ласке и другим куньим, в той или

иной степени распространяется и на других пушных зверей - на некоторых грызунов (бобра, белку, хомяка) и лисицу. Это позволило описать подгруппу пушных зверей в целом. Ряд черт сходства обнаруживается также у волка и медведя. В отдельных славянских зонах народные представления сближают образы ежа и барсука (барсук, таким образом, рассматривается и в группе кунных, и в связи с ежом).

Некоторым зверям, особенно кроту, ласке и другим кунным, свойственна хтоническая символика, роднящая их с гадами. Свойства, присущие гадам, доминируют в символике мышей, поэтому их рассмотрение включено в главу о гадах.

Образы лисицы, лося, оленя и косули сравнительно слабо отражены в славянских мифологических представлениях, хотя и являются популярными фольклорными персонажами (отчасти также обрядовыми), поэтому специально нами не рассматриваются.

Волку присущи медиаторские функции: он посредник между этим и тем светом, между людьми и Богом, между людьми и нечистой силой. Хтонические свойства роднят его с гадами, особенно со змеей. Определяющим в символике волка является признак «чужой». Волк противостоит человеку как нехристь, осмысляется как инородец, соотносится с чужими, приходящими извне (женихом, предком, ходячим покойником-вампиром и т.п.), с инородными телами (наростами на теле, на дереве и т.п.). Характерные волчьи мотивы и атрибуты - кровь, камень и огонь. Признаки, особо маркирующие волка, - белый цвет и хромота. Волк связан с пересечением границы и с различными пограничными, переломными моментами или периодами (смена старого года новым, переходный зимний или весенний периоды, промежуточные календарные даты, путь к венчанию и обратно).

Медведя объединяют с волком сходные демонологические представления, брачная и эротическая символика, обереги, приемы народной медицины, табуистические наименования и другие особенности. Если волку в народных представлениях соответствует собака, то символическим аналогом медведя часто является кошка. Общие черты медведя в славянской традиции в целом проявляются в представлениях о его человеческом происхождении и сожительстве с человеком, в символике плодородия, здоровья и силы. Региональные различия наблюдаются в брачной символике медведя (наиболее характерна для восточных славян), в поверьях об обращении участников свадьбы в медведей (преимущественно у русских), в функции устрашения нечистой силы и отвращения порчи (главным образом у восточных и западных славян), в календарном обычае ряженья медведем (особенность западнославянской традиции), в мотиве пугания Христа в этиологических легендах (у белорусов, украинцев, поляков), в поверьях о зимовье медведя (сходны у поляков, западных украинцев и южных славян).

В разнообразной символике зайца особенно ярко выделяется мужская эротическая символика и демонические свойства. Среди других особенностей

- связь с огнем, метеорологическая символика, влияние на сон.

В символике куных и некоторых других пушных зверей обнаруживается инвариантный набор характеристик, свойственный в той или иной мере каждому животному этого ряда. Полнее всего этот набор мифологических признаков представлен в образе ласки. Хтоническая символика особенно характерна для ласки, горностая, соболя, росомахи, барсука и бобра. Родство с гадами - для ласки и барсука. Большинство этих животных - женские образы. Многие из них реализуют брачную и любовно-эротическую символику, которая у южных славян сконцентрирована в женском образе ласки, а у восточных распределена среди целого ряда пушных зверей (куница, выдра, белка, ласка). Наиболее устойчив для славянской традиции в целом (особенно южно- и восточнославянской) блок представлений, связанный с плетением (волос, гривы) и производным от него прядением и тканьем. Функция плетения волос характерна для ласки в поверьях южных славян, а заплетание конской гривы - в представлениях восточных и отчасти западных славян. В польских поверьях она отмечена и у белки. С прядением или тканьем связаны образы ласки (чаще всего у южных славян), а также куницы, горностая, соболя, барсука, выдры и белки (преимущественно у восточных славян). Роль покровителя дома и скота ярче всего представлена у ласки. Частично в эту сферу представлений вовлекаются также белка, кошка и хомяк. В образах ласки, горностая и бобра присутствуют птичьи черты. Пушных зверей объединяет наличие некоторых психических характеристик (хитрости - у белки и лисы, трусости - у хоря, плаксивости - у бобра и выдры, находчивости - у бобра), часто основанных на языковых созвучиях или рифме (ласка - ласкова, выдра - мудра, бобр - добр). На периферии всего комплекса представлений находятся образы барсука, росомахи, кошки, а также лисы, хорька и хомяка, которые вообще слабо отражены в народных представлениях славян. Образы животных данного круга по-разному представлены в различных славянских традициях. Так, соболь, куница, бобр и росомаха характерны в основном для фольклора и народных поверий восточных славян, горностай терминологически выделяется лишь в севернославянском ареале, а как особый персонаж известен главным образом в русском фольклоре, в южнославянской традиции образ бобра почти не нашел отражения, но некоторые его свойства присутствуют у выдры. По многим признакам пушные животные сближаются с домовым и русалкой. Черты домового ярче всего представлены у ласки. Это роль покровителя дома и скота, связь с душой предка, мотив выбора масти скота, занятие прядением и другие действия (мучить скот: лизать, чесать, гладить, дуть, заплетать волосы и гриву). Сходство с русалкой проявляется у пушных зверей в женском облике (у выдры, росомахи), расчесывании распущенных волос (у росомахи), обитании в жите (у росомахи) или в воде (у выдры), соблазнении мужчин (у выдры), шекотании (у ласки), прядении (у ласки, горностая) и плетении грив (у ласки, белки). К тому же и сама русалка может появляться в облике белки. Общим элементом, связывающим комплекс представлений, связанных с женской и брачно-

эротической символикой, с комплексом представлений о роли покровителя дома и скота, является функция плетения, которая в качестве женского занятия (прядения и тканья) объединяет ласку-невесту с рядом женских прядущих существ, в т.ч. домашними духами и русалкой, а как плетение конских грив - роднит домовую ласку и с образом домового, и с женскими духами (русалками и т.п.). В последней своей функции образ полесской ласки-домовика можно рассматривать как связующее звено между западно- и южнославянскими женскими демонами («зморой», «богинками» и «вилами») и восточнославянским мужским образом домового. Кроме того, в обоих комплексах представлений присутствуют любовно-брачные мотивы. Эротическая символика проявляется и в некоторых ткаческих представлениях, связанных с пушными зверями (ср. значение ткацкого термина *горностачки*). На основе общего набора мифологических признаков рассмотренных животных можно реконструировать образ хтонического пушного зверя (мужской или женский). Он реконструируется в двух разновидностях, одна из которых (воплощаемая бобром, выдрой и частично росомахой и белкой) характеризуется связью с водной стихией как маркированным признаком. Образы бобра и выдры как представители реконструируемого животного персонажа в его водной ипостаси обнаруживают глубинные родственные связи с мифологическими персонажами других индоевропейских традиций (древнегреческой, древнеиранской).

Еж в мифологических представлениях южных славян выделяется своими космическими функциями, связанными с сотворением мира. В других славянских зонах ежу присущи лишь магические свойства, в основном лечебные и отвращающие, обусловленные наличием острых колючек.

Крот занимает в народных представлениях пограничное положение между зверями и гадами. Многие свойства роднят его с лаской и мышью. Наиболее характерна для крота хтоническая символика, связанная с подземным мраком и миром мертвых. Она проявляется в мотивах слепоты и неприятия солнечного света, в приметах, предвещающих смерть, в символическом соотношении кротовины с могилой и в усмирительно-успокаивающем воздействии крота и его атрибутов.

В **Главе 2 «Гады и насекомые»** (с. 273-526) 18 параграфов: Общая характеристика; Змееподобные (Змея, змей; Ящерица; Угорь, вьон, минога; Червь, гусеница; Волосатик); Лягушка, жаба; Черепаха; Улитка, слизень; Рак; Мышь, крыса; Домашние насекомые-паразиты (блоха, вошь, клоп, таракан); Летящие кусающие насекомые (муха, овод, комар, мошкара); Пчела, шмель, оса; Бабочка, мотылек; Божья коровка; Жуки; Паук; Муравей; Кузнечик, сверчок, медведка, саранча; Стрекоза; Прочие насекомые.

Гады выделяются в особый класс животных на основании сочетания двух дифференциальных признаков - локуса и модуса передвижения (признак единичности или множественности не является отличительным для всего класса в целом). К гадам относятся в основном пресмыкающиеся и земноводные, но

также насекомые и некоторые другие животные, в т.ч. мыши и змееподобные рыбы (вьюн, угорь), черви и гусеницы. Границы этого множества подвижны и частично затрагивают другие классы животных, а также область демонологических персонажей. Имеются животные, в той или иной мере сочетающие в себе свойства гада и зверя (мышь, крот, ласка), гада и птицы (летучая мышь, крылатая змея), гада и демона (летающий змей, василиск). Своим местопребыванием гады связаны с землей и подземным миром (змеи, насекомые и многие другие гады выходят из земли и прячутся в землю), хотя некоторые из них могут пребывать также и в воде, и в воздухе, и на теле человека. Все гады ползают (в т.ч. мыши, раки и летающие насекомые), что не исключает наличия у них других способов передвижения.

Насекомые могут быть выделены в особую подгруппу внутри класса гадов на основании признака «мелкий», дополнительно присущего им в целом (сам по себе этот признак, вне сочетания с другими отличительными признаками гадов, не выделяет насекомых в особый класс, так как представлен и у животных других классов). Для насекомых характерно также символическое соотнесение со зверями, прежде всего со скотом, которое проявляется в разных формах культуры и жанрах фольклора, особенно часто в лексических названиях насекомых (*божья коровка, жук-олень, konik polny* и т.п.).

Для наименования животных данного класса используются чаще всего термины гады, шур, погань, нечисть. Так, в различных славянских языках слова с корнем *šur-* применяются для обозначения целого ряда гадов и насекомых и частично птиц: ящерицы (*ja-šur-* - рус., укр., пол., чеш., словац.), ужа (рус.), червя (сев.-рус., чеш., словац.), скорпиона (чеш., словац.), сверчка (болг.), кузнечика (болг., словен.), крысы (укр., белор., пол., чеш., словац.), некой несъедобной рыбы (рус. вологод.), некоторых птиц - стрижа (рус., укр.), шурки (рус., пол.), клеста (рус.), скворца (болг.), ласточки (ц.-слав.).

Название *gad* и его производные выявляют еще более широкий круг животных - гадов, насекомых и некоторых других. У всех славян **gadъ, *gadina* встречается в качестве обозначения змеи. Гадиной называют и ящерицу (с.-рус.). В легенде об аисте, охранителе и очистителе земли от гадов и прочей нечисти, Бог приказывает аисту выбросить мешок с *гадами* - змеями, ящерицами, лягушками, жабами, иногда также мышами и вредными насекомыми. Жаба, по полесским представлениям, спаривается с ужом или считается его матерью. Черепаха называется у болгар «костяной жабой», а украинская легенда связывает ее происхождение с гадюкой. **Gadъ* может обозначать также червей (н.-луж., рус.), равно как и другие «змейные» названия (словац. *užovka*, хорв. *gujavica, gujica, gij(i)na* «червь»), а укр. *черв'як*, пол. (в заговорах) *robak* [червь] - эвфемистические обозначения змеи. Из червей, как считают поляки, могут возникать змеи. Пол. собирает. *robactwo* «насекомые» может употребляться и по отношению к змеям. **Gadъ, *gadina* во многих русских, белорусских, польских и болгарских диалектах и **gudъ* в чешских и словацких обозначают различных насекомых, особенно кусающих и паразитов: мух, оводов, слепней, комаров,

мошку, вшей, блох, клопов, паразитов на скотине. Характерны названия стрекозы: укр. *гадячка, гадючка, гадячий слуга*, словац. *hadou (hadaca) sluha (sluzka)*, чеш. *hadí voko, hadí hlava*, пол. *gadzia głowa, gadzi łeb, gadzie zundło*. Близость змеи и насекомых подтверждается не только на языковом уровне, но и в поверьях, в ритуально-магической практике, напр. в способах изгнания, оберегов от их укусов, в сходном применении настоев змеи, блох, клопов в народной медицине и т.д.

У русских *гадом* называют также мышшь или собирательно мышшей и лягушек, *гадиной* - мышшей или крысы; для гадюк, змей, мышшей и крыс используются названия рус. *погань, поганка, поганик*, серб. *поганац* “мышшь”. Как и змея, мышшь - нечистое животное, изгнанию мышшей вместе со змеями и насекомыми у южных славян посвящены специальные дни. У южных славян понятие гадюк (болг. *гад, гак*, с.-х. *гадина*) применяется и к волкам. Многие табуистические названия ласки определяют ее через названия змеи, червя, мыши, крысы. С лаской, ящерицей или ужом связаны одинаковые сюжеты быличек, напр. об отравлении питья человеку, перенесшему их детенышей в другое место. Украинцы считают хвост кота «ящериним» или верят, что в нем сидит гадюка. Из рыб к гадам относятся змеевидные вьюны, угри, миноги (болг. *змионка*, укр. *гадина сьліпа, гаде сліпе*, рус. *змеев брат* и т.п.), которые спариваются со змеями и считаются змеей в девятом или двенадцатом покоении.

В болгарских, словацких и польских диалектах **gadъ* (**gadъ*) и **gadina* употребляются и для обозначения птицы, чаще домашней, в польских - также для мелкой живности и домашней скотины. Имеются и другие сходные обозначения для гадюк и птиц, например пол.-бескид. *gawiednik* “гад, пресмыкающееся” и *gawiedz* “домашняя птица”. Близость гадюк и птиц проявляется и в представлениях о родстве некоторых из них, их взаимном превращении и целом ряде общих атрибутов. Поверья, связывающие змею с петухом или курицей, в значительной степени восходят к образу василиска. Так, из петушиного яйца или яйца черной курицы появляется на свет змееныш-домовой. Петушиный гребень имеет на голове царь змей (пол., босн.-герц.). Показательно польское поверье о гаде-курице: *гадина* (змея, гадюка) выглядит как красная курица с крыльями и огненными перьями; взлетая, оставляет за собой след в виде сожженной травы; укус ее смертелен.

Гадюк тесно связаны с демонологическими персонажами и сами часто наделяются демоническими свойствами. Так, змея, лягушка или карп по истечении определенного времени и при определенных условиях становятся летающим змеем (болг. *змей*, с.-х. *змај*, пол. *smok*). Ср. также кашуб. *smok* “улитка”. С другой стороны, с развешанным пеплом сожженного змея севернорусская легенда связывает зарождение змей. Знахарей называют *гадиной* (с.-рус.), ведьму - *змеей* (полес.); жаб нередко считают обращенными ведьмами, иногда называют ведьмами (пол. *czarownica*). Из крови Каина произошли змеи, волки, собаки, ведьмы, «вилы» и некоторые другие демоны.

Гадюк характеризует ряд общих признаков. Это хтонические животные: они

обитают в земле (и поэтому часто слепы), в норе (в подполье, под порогом), уходят в землю на зимовье и появляются из нее (змеи, черви, мыши, многие насекомые), обладают подземными кладями (особенно змеи) и некоторыми другими земными сокровищами (напр. «разрыв-травой»). С землей связано и происхождение многих из них: блохи и вши возникли из горсти пыли, праха, пепла, жабы - из грязи. Часто они связаны с душой предка - *пра-щура* (змея, лягушка, ящерица). Правда, хтонические черты присущи и другим животным: некоторым зверям (ласке, волку, ежу и др.) и птицам (ворону, желне, жаворонку и др.). У большинства гадов и насекомых в разной степени выявляются функции домашнего покровителя (у змеи, лягушки, черепахи, крота, червя, сверчка, паука, черных тараканов, муравьев и др.), что сближает их с домовым. Большинство из них находит также ритуально-магическое использование для вызывания дождя: уж, гадюка, жаба, ящерица, черепаха, рак, шелковичные черви, медведка, паук, блоха, вошь. В основном гады нечистые животные (исключение составляют пчела, божья коровка, шелковичный червь) и многие являются дьявольскими созданиями (напр. змея, оса). Большинство из них ядовиты: змея, жаба, ласка, ящерица, угорь, паук, бабочка. Для человека и скота они опасны также тем, что могут вселяться в них. Такой способностью обладают змея, лягушка, черепаха, ящерица, волосатик, бабочка и некоторые другие насекомые. С гадами как опасными и вредными животными связаны различные ритуальные способы их изгнания и многочисленные запреты и обереги от них, но и сами они часто наделяются отвращающей функцией.

Змея - один из ключевых персонажей в системе народных представлений о животном мире. В ее образе фокусируются все характерные особенности гадов. Змея рассматривается в книге вместе со змеем - в той степени, в какой змей как демонологический персонаж включает в себя животную символику, роднящую его со змеей. Оба этих змеиных персонажа объединяют не только родственные названия, но и родственные представления. С одной стороны, символика змея в огромной степени вырастает из змеиной, с другой - сама змея как животный персонаж наделяется целым рядом демонических свойств, присутствующих и в образе змея. Важнейшая характеристика змеи - ее хтоническая природа. Хтонизм змеи достигает космических масштабов, вплоть до глобального противопоставления Земли и Солнца. Многие поверья и обычаи, легенды и данные народного календаря свидетельствуют о важной роли солнца в змеиной символике. Другая важная особенность, пронизывающая весь комплекс представлений о змее, - это амбивалентность ее характеристик. Она проявляется в сочетании мужской и женской, водной и огненной символики, в столкновении отрицательного и положительного начал. Она объединяет в себе апотропейные и вредоносные свойства, ядовита и целебна, нечистая тварь, источник зла и в то же время наделяет человека чудесными способностями и имеет покровительственные функции. В ряде случаев наблюдается тенденция к преодолению подобной семантической двойственности образа змеи, что приводит к появлению противопоставленных друг другу змеиных персонажей

- мужского, воплощающего в себе положительное начало, и женского, отрицательного (уж-покровитель и змея-вредительница, змей и «хала» или «ламя»). Змее соответствует ряд предметных символов. Это длинные, чаще всего гибкие предметы: нитка, веревка, волосы, ветка, палка, веретено, пастушья свирель, фаллос. Значительное место в комплексе представлений о змее занимают обереги и ритуальные действия, направленные на изгнание змей. Суть их сводится к превентивному отгону, запрещению пользоваться змееподобными и острыми предметами, символическому запираению змеиной пасти, задабриванию, устрашению и т.д.

В редуцированном виде примерно тот же круг значений, что и у змеи, представлен у ящерицы, у змеевидных рыб (угря, вьюна и миноги), часто отождествляемых с ядовитыми змеями, и у разного рода червей. К специфическим особенностям образа ящерицы можно отнести лишь символику пестроты саламандры в южнославянских народных представлениях: эта символика реализуется не только в материальных, но и в психических понятиях, соотносимых с умом, мастерством, красноречием и соприкасающихся со сферой искусства. У водяного червя волосатика, тесно связанного у восточных славян с одноименной болезнью и мифологическим существом «волосом», обнаруживается прямое соответствие в болгарской традиции. Это представление о другом волосообразном черве, который тоже проникает во внутренности - в печень домашних животных и вызывает болезнь скота, называемую «волос» (болг. *влас*). Как и волосатик, «волос» может выступать у болгар как мифологический персонаж, а обереги от него приурочены к дню св. Власия, который, как и у восточных славян, считается покровителем скота.

К наиболее характерным особенностям символики лягушки следует отнести молочную тему в ее разнообразных модификациях. Это выдаивание лягушкой молока у коров, отбирание молока с помощью лягушки как вид порчи, пропажа у коровы молока или рвота молоком у человека в наказание за нарушение запрета убивать лягушку, благотворное влияние лягушки на удои молока, использование молока для извлечения лягушки из внутренностей человека, лечение лихорадки молочным отваром из нее, прогноз относительно удоев молока при первом весеннем крике лягушек. Лягушки близки рыбам и птицам. Как и рыбы, они могут быть воплощением душ еще не родившихся детей, а как холоднокровные животные способны остужать жар при лечении лихорадки. С птицами лягушек связывают сходные календарные приметы и магические действия, относящиеся к первому весеннему крику, а также поверья о превращении ласточек в лягушек.

Черепаша обнаруживает близкое родство с лягушкой и змеей, что подтверждается и на языковом уровне (укр. *коритна жаба*, болг. *костена жаба* и с.-х. *зминица* «черепаша»), и на мифологическом (босн. легенды о превращении спрятанной под крышку печеной курицы в черепаху или в лягушку и укр. легенды о происхождении черепахи от гадюки или летающего змея). Некоторые признаки сближает ее также с ящерицей (сходное влияние на молочность коров) и кротом (благотворное воздействие на свиней).

В ряду гадов рак терминологически сближается прежде всего с насекомыми (вошь, сверчком и др.). Из других животных чаще всего коррелирует с рыбой, объединяясь с ней по общему признаку обитания в воде или, напротив, противопоставляясь ей по некоторым другим признакам. В фольклорных текстах рак часто символизирует жениха. Маркированность зада и инверсия движения - признаки, присущие раку в народных представлениях, - широко используются в народной медицине.

У мышей, помимо основного набора признаков, характерных для гадов, выявляется символическая связь с мотивом кражи: ущерб, причиняемый мышами, метафорически уподобляется ущербу от кражи. На соотношении прибыли и убытка основаны поверья о мышах, связанные с беременной женщиной: ущерб, наносимый беременной (отказ дать ей то, что она попросит), компенсируется ущербом, наносимым мышами виновнику такого отказа. Как хтонические существа мыши связаны с беременной женщиной благодаря ее особому статусу, близкому к границе жизни и смерти. Для изгнания, изведения мышей и крыс и оберегов от них используются освященные предметы и соблюдаются запреты на еду, у южных славян - запреты на работу с острыми предметами, а также применяются имитативные действия, направленные на то, чтобы залепить или замазать мышам пасть и глаза. У болгар для изгнания мышей из села совершается специальный обряд «мышьиной свадьбы». Во многих поверьях, магических действиях и способах лечения, связанных с мышами как грызунами, представлены мотивы зубов и укуса.

Всех насекомых, обитающих в доме, объединяет то, что они как нечистые существа подвергаются ритуально-магическому изведению или изгнанию. Особо выделяются насекомые, паразитирующие на человеке или животных, - вошь, блоха и клоп, которых объединяет также ряд других черт, касающихся прежде всего их генезиса (происхождение от змеи, из земли, пыли, праха или пепла, генетическая связь с огнем и с водой, влагой). Символика вшей и блох определяется их множественностью - символическим соотношением с однородным множеством мелких предметов: семенами, крошками хлеба, песком, монетами и т.п. Ритуальные формы изведения домашних насекомых связаны с имитацией их похорон, с метанием дома и уничтожением мусора, с выбрасыванием из дома некоторых предметов, с буквальным «выведением», вытягиванием насекомых из дома, передачей или подбрасыванием их кому-либо другому, с ритуальным обходом вокруг дома. В фольклорных текстах вошь и блоха часто выступают как юмористические персонажи.

Муху, овода и комара объединяет ряд общих черт, ярче всего представленных у мухи, занимающей доминирующее положение в этой группе насекомых. У мух есть особенности, общие с другими насекомыми. Они тоже символически соотносятся с множеством мелких однородных предметов: зерном, снежинками, дырочками в сите, вербными почками. Широко распространено у славян представление о душе-мухе. Мушиная символика человеческой души порождает целый спектр психических характеристик человека, находящих выражение в

языке, прежде всего в разнообразной фразеологии («мухи в голове» и сходные модели). В фольклорных текстах муха часто комический персонаж, наделенный женской символикой, а мушиный и комариный укус имеет эротическую окраску.

Пчела особо выделяется среди насекомых своей чистотой и божественной природой. Среди своих ближайших родственников пчела, сотворенная Богом, противопоставляет осе, шершню, шмелю и, реже, мухе, появившимся на свет благодаря дьяволу. Кроме того, пчела наделяется женской символикой, а шершень и шмель - мужской. Пчеле свойственны и признаки, общие с другими насекомыми: различные символические воплощения признака множественности, соотнесенность со скотом, родство с гадами, хтонические черты и т.д. Ролью пчелы в жизни человека продиктованы такие ее качества, как приверженность добрым людям, преданность хозяину и способность благотворно влиять на социальные отношения, связывать людей духовным родством. Однако в наибольшей мере в народных представлениях и легендах о пчеле отражена христианская символика, представленная и в пчеловодческой практике. Ряд разрозненных мотивов поверий, фольклорных текстов и пчеловодческой обрядности символически соотносит пчелу с образом Богородицы. В характеристике пчелы, помимо чистоты и святости, присутствуют мотивы девственности и безбрачия: в заговорах она именуется как *дзвяица-пчелица*, в легенде пчелами становятся слезы прекрасной девы, в загадках пчелы уподобляются девицам или безбрачным женщинам, в сказках пчела хитростью избегает брака со шмелем. Мотив непорочного зачатия выступает применительно к пчеле в сербских поверьях и в русских загадках. В день Зачатия св. Анны пчеловоды просят о зачатии пчелиных роев, подобном зачатию св. Анны, родившей Пресвятую Деву. Болгарские пчеловоды отмечают день св. Игнатия Богоносца, связываемый с началом родовых мук Богородицы. В сербской легенде о происхождении пчел образ матери, оплакивающей загубленного, а затем воскресшего сына, представляет собой прямую аналогию образу Богородицы. Корреляция пчелиной *матки* с Божьей *Матерью* подкрепляется в чисто языковом отношении, а ее царская символика в фольклорных текстах (обращение *царице-матки* в молитве, мотив превращения царицы рогатых людей в пчелиную матку в легенде) соотносит ее с Царицей Небесной. В некоторых заговорах пчелиной матке соответствуют имена *Мария* и *Марьяска*. В веснянках образы пчелы и Пречистой Матери фигурируют в сходных контекстах. Важное значение в раскрытии богородичной символики пчелы имеет культ Богородицы в пчеловодческих обрядах: в Болгарии ее считают покровительницей пчел, в Белоруссии пчеловоды возлагают свечу на икону Богородицы, в Польше обращаются к пчелам с богородичной молитвой. Обилие христианской символики в данном комплексе верований обусловлено тем, что она легко укладывалась в общие рамки представления о пчеле как неутомимой труженице, приносящей пользу людям, а также особым местом пчеловодства в общей системе народной культуры - его открытостью влиянию книжной культуры.

С бабочкой связываются прежде всего представления о душе. Трансформация образа бабочки-души происходила в нескольких направлениях: 1) душа умершего (у русских, украинцев, поляков) - предвестница смерти (у поляков, белорусов) - смерть (у белорусов); 2) душа человека, наделенного демоническими свойствами (у сербов, хорватов) - исполнительница его воли, помощница человека-демона (у болгар) - демон в виде бабочки, обогащающий хозяина (у болгар); 3) душа человека, наделенного демоническими свойствами (особенно у сербов и болгар) - человек-демон (ведьма, «змора»), принимающий облик бабочки (у южных, реже у западных славян) - человек-демон в качестве наименования бабочки (названия типа «ведьма», «мора» и т.п. у южных, западных славян и у украинцев). Помимо этого, ряд примет связан с цветом первых весенних бабочек.

Мифологическая семантика божьей коровки репрезентируется почти исключительно языковыми данными. Мы не выдвигаем здесь своей гипотезы, а излагаем и сопоставляем основные существующие концепции, каждая из которых предлагает свою систематизацию и мифологическую интерпретацию славянских названий божьей коровки (работы С. Утешеного, В.Н. Топорова, О.А. Терновской, Д. Младеновой), отмечаем ряд сходжений в рассмотренных интерпретациях и подкрепляем убедительные, с нашей точки зрения, выводы указанных авторов собственными соображениями.

Представления о пауке неоднозначны. Наряду с доминирующей негативной оценкой паука как противника Божьей Матери, существа поганого и достойного истребления, встречаются и противоположные представления о нем как существе почитаемом. В народной традиции ему приписывается демиургическая функция и роль медиатора между землей и небом, посредника между людьми и Богом.

Хтоническая символика муравьев связывает их со смертью и миром мертвых. Нередко символика муравьев, как и их названия, различаются в зависимости от цвета (черные и рыжие муравьи в приметах, связанных с домом и жилищем). Важный признак в символике муравьев - их множественность - по разному используется и реализуется в гаданиях и магических действиях, связанных со скотом, в практике рыболовов, в обрядах вызывания дождя, в некоторых приметах, толкованиях снов и фольклорных текстах - приговорах и загадках.

Родство кузнечика, сверчка, медведки и саранчи проявляется прежде всего в лексике. Кузнечики и медведки обнаруживают функциональное сходство в приметах, связанных с началом сева. Из специфических особенностей кузнечика следует отметить магические действия, основанные на его прыгучести, а также не вполне ясные демонические свойства (в зоне польского Подлясья). Принадлежность к нечистым животным, к гадам, отчетливее всего выражена у медведки.

Мифологическую семантику стрекозы позволяет прояснить исключительно лексический материал. Некоторые названия связывают ее с летающим змеем (словац. *šarkaň*) и царем змей (хорв. *kačji pastir*). В ряде названий отражена связь

с демонологическими персонажами - «виллой», «стригой», ведьмой, «железной бабой» и чертом. Благодаря своим снующим движениям стрекоза уподобляется некоторым ткаческим орудиям (веретену, мотовилу) и трепещущим или стрекочущим птицам (трясогузке, сороке). Некоторые наименования сближают ее с другими насекомыми: кузнечиком, саранчой, бабочкой, шершнем и божьей коровкой.

Глава 3, посвященная птицам (с. 527-745), состоит из 18 параграфов: Общая характеристика; Нечистые птицы (Вороны; Коршун, ястреб; Сорока); Ночные птицы (сова, филин, сыч); Воробей; Удод; Летучая мышь; Орел; Чистые птицы (Голубь; Ласточка; Жаворонок; Соловей; Клест, дрозд); Аист, журавль; Плавающие птицы (Утка, селезень, гагара; Гусь; Лебедь); Сокол; Кукушка; Маленькая птичка (королек, крапивник); Дятел, желна; Кулик; Куропатка; Перепелка, тетерев; Трясогузка; Коростель; Чайка, чибис, пигалица; Прочие птицы.

Птицы выделяются в особую группу, или класс, на основании двух дифференциальных признаков - локуса (небо, воздух) и модуса передвижения («летать»), а признак единичности или множественности выступает по отношению к ним в целом как интегральный. Вне данной группы сочетание обоих этих признаков имеется только у летающих насекомых (что вызывает их корреляцию с птицами: ср. рус. олонец. *лесные птички* “комары, мошкара, оводы”; обозначение пчелы или комара в загадках через птицу), но их модус передвижения включает еще и «ползать», который для птиц не характерен. Отличительный признак рыб - «плавать» - встречается как дополнительный у части птиц (утка, гагара, гусь, лебедь). Таким образом, птицы - это летающие в воздухе (но не ползающие) существа, представленные в народной культуре как собирательно (в однородном или разнородном множестве), так и индивидуально (единично).

Отчетливее, чем в других группах животных, у птиц выявляется оппозиция чистый (святой, добрый) - нечистый (дьявольский, злой), охватывающая большую часть всех птиц. К нечистым относятся главным образом хищные и вредоносные птицы: все вороны (ворон, ворона, галка, грач), сорока, коршун и ястреб и ночные хищники (сова, сыч, филин), а также воробей, удод, гагара, утка, кулик и летучая мышь. К чистым причисляют голубя, ласточку, жаворонка, клеста, аиста, лебедя, отчасти дрозда и чайку. Целый ряд иных характеристик объединяет разных птиц в каждой из этих групп, напр. ворона, ворону, сороку, коршуна и сову; аиста, лебедя и журавля; голубя и ласточку; ласточку и жаворонка. Противопоставление чистых и нечистых затрагивает не всех птиц. Оно не сказывается, напр., на символике перепелки, сокола, коростеля, куропатки и др. Некоторые птицы вовлекаются в это противопоставление спорадически, в отдельных локальных традициях (напр. орел, дятел, щегол, скворец, коноплянка, синица, гусь). Довольно последовательно проводится у птиц и принцип деления их на мужские и женские персонажи. Кроме того, птицы особенно часто выступают в народных представлениях как образы душ.

Степень индивидуализации птиц в целом меньшая, чем у зверей, но большая, чем у гадов и особенно рыб. Наиболее индивидуализированы образы кукушки и аиста, занимающие важнейшее место в птичьей символике. Этим и некоторым другим птицам (ворону и ворону, ястребу и коршуну, сову, воробью, ласточке) присуще разнообразие функций и символических значений. Наряду с этим большое количество птиц почти не находит отражения в мифологических представлениях, и роль их ограничивается в основном фольклорными текстами. Особое место среди птичьих персонажей принадлежит маленькой птичке - в разных традициях это королек, крапивник или ястребина славка. Свойства птицы и гада совмещает в себе летучая мышь. Рассмотрение ее включено в главу о птицах. Фантастические образы птиц характерны прежде всего для фольклора (напр. жар-птица в сказках, птица Кук в легендах) и для книжной традиции (Алконост, Сирин), но они встречаются и в поверьях: напр. невидимая птица *невідзімка*, яйцо которой делает человека невидимым, или демоническое воплощение души некрещеного младенца - черная птица *latawiec*, перья которой притягивают молнии. При этом демонологизации птицы подвержены в меньшей мере, чем гады.

В целом птицы как обитатели верхней пространственной сферы противостоят гадам как обитателям нижнего мира. Однако народные представления дают немало фактов, свидетельствующих о близости птиц и гадов. Так, по одним поверьям, ласточки и лягушки, по другим - воробьи и мыши или жаворонки и мыши способны превращаться друг в друга; имеются представления о летающих гадах - змее и черепахе; насекомые и змеи, как и птицы, уходят зимой в «вырей»; змеи, насекомые и некоторые птицы (жаворонок, перепелка) прячутся на зиму в землю; птицы (желна, удод, сова и др.), змея, лягушка, черепаха или еж - обладатели «разрыв-травы»; змеи и птицы (ворон, дрозд, орел) владеют особым камнем, делающим человека невидимым или способным видетьклады и понимать язык животных; уж «играет» с кукушкой; в легендах кукушка, ласточка и змея - три обращенные сестры Лазаря, кукушка - жена мужа-ужа, а соловей и лягушка - их дети и т.д. Ряд черт сближает птицу и ласку (*земляную ласточку*). Хтонизм, характерный прежде всего для гадов, в той или иной степени присущ и птицам, особенно черным воронам, ночным совам, черному дятлу.

Из всех животных птицы особенно тесно соприкасаются с календарным циклом, которому подчинена вся хозяйственная деятельность человека. Образ жизни значительной части птиц, а именно прелетных, так же как у змей и большинства насекомых, связан с периодической сезонной сменой места обитания. Поэтому поведение птиц, как и другие сезонные явления природы (погода, растительность), является одним из факторов, организующих саму структуру народного календаря и в известной степени формирующих его в целом. Не случайно птицы так часто фигурируют в календарных обрядах, особенно весенне-летнего цикла, а с их поведением - первым появлением весной, первым криком, устройством гнезд, брачным периодом (птичьими «свадьбами»),

кладкой яиц, выведением птенцов, началом и окончанием пения - связано множество календарных примет. Своим прилетом птицы возвещают приход весны, а отлет их нередко связывается с наступлением осени. Не случайно также и использование птичьей символики в загадках о годе («Двенадцать орлов, пятьдесят две галки, триста шестьдесят пять скворцов - одно яйцо снесли»).

Еще одна особенность, выделяющая птиц из числа других животных, связана с их акустической характеристикой. Практически всем птицам (в т.ч. домашним) приписывается способность произносить различные словесные возгласы и целые высказывания. Вербальная передача птичьих криков составляет основу особых звукоподражательных текстов как одной из малых форм фольклора. За пределами класса птиц вербальная имитация животных встречается гораздо реже (воспроизведение крика лягушек, изредка коровы, свиньи, овцы, козы, собаки, кошки, зайца, пчелы, комара, сверчка). Эта особенность сближает птиц и с некоторыми неодушевленными механическими предметами, способными производить шум и звуки в результате использования их человеком: ткацким станком, коловоротом, молотящими цепями, мельницей, колесами телеги и музыкальными инструментами.

Объединенные общей символикой ястреб и коршун образуют единый, нерасчлененный образ крупной хищной птицы (коршуна-ястреба), которому реально соответствуют различные виды птиц семейства ястребиных, включая иногда орла и некоторые виды соколиных (кобчика, чеглока). Символику ястреба-коршуна, его связи с другими птичьими персонажами и параллели с другими славянскими традициями наиболее полно отражает украинско-подольский обряд изгнания и похорон этой птицы, имеющий апотропеическую направленность. К северо-востоку от Подолии соответствия этому обряду можно видеть в обрядах вождения «стрель», «тополи» и «куста», проводов русалки и крещения и похорон «кукушки». Обрядовая параллель коршуна-ястреба и кукушки дополняется поверьем от обращения кукушки в ястреба или коршуна. Другие параллели к обряду изгнания коршуна распространяются в западном направлении: это западнославянские обряды казни «коршуна», петуха, селезня и гуся. На противоположных окраинах ареала распространения всего этого обрядового комплекса фигурируют птичьи персонажи, воплощающие общую брачную символику, но противопоставленные друг другу как женские (кукушка) и мужские (петух, селезень, гусь).

Символика сороки формируется двумя основными комплексами представлений: ее нечистой природой и демоническими, вредоносными функциями, с одной стороны, и ее ролью «болтливой» вестницы и вещуньи - с другой. Оба комплекса взаимодействуют между собой, образуя различные формы сочетания друг с другом. Разные элементы и жанры народной культуры - поверья, ритуалы, фольклорные тексты, язык - демонстрируют близость сороки и вороны. Заметную роль в символике сороки играют и разного рода народноэтимологические сближения (с числительным *сорок*, с *сорочкой*), порождающие новые формы представлений об этой птице.

Анализ материала, раскрывающего символику птиц семейства совиных, выявляет набор семантических признаков и мотивов, образов, персонажей, субъектных и объектных ролей, функций, оценок и т.п., которые в разных жанрах и локальных традициях вступают между собой в самые замысловатые комбинации. К таким характеристикам, выступающим то применительно к сове, филину или сычу, то к другим персонажам, относятся: смерть, роды, ночь, одинокое положение, любовно-брачная тема, собрание птиц, пожирание птиц, невыполненное обещание, подземная сфера, вода, возвышенный статус, плач, задница-гениталии. Среди персонажей - ребенок, нечистая сила и воробей. Особо следует отметить кукушку. В целом символика совиных объединяет всех трех птиц - сову, филина и сыча. Исключение составляет женская и любовно-брачная символика, характерная лишь для совы. Именно этот образ совы как вдовы, одинокой, безбрачной женщины обнаруживает глубокое родство с образом кукушки.

В символике воробья выделяется два аспекта. Один из них связан с вредом, который он наносит злакам на полях. Отсюда обереги посевов от воробьев, аналогичные оберегам их от мышей. Мотивы воровства и грабежа объединяют воробья с нечистыми птицами семейства воронов. Кроме того, воробьев иногда причисляют к гадам. Другой аспект связан с легкостью и проворством воробья. Эта символика используется в южнославянском обычае поедания воробьев на Рождество. Мотив печеного воробья в различных своих модификациях объединяет собой три важнейшие и архаические славянские зоны - южнославянскую, полесскую и кашубскую. Южнославянско-полесское соответствие дает обычай ловли, печения и поедания воробьев на Святки, а южнославянско-кашубское соответствие можно видеть в обычае разговляться дикими птицами (воробьями на Рождество и воронами на Пасху). Помимо этого, воробью свойственна брачная и любовно-эротическая символика.

Удод воспринимается как нечистая (смердящая) и чужая (инородная) птица. Характерны названия, соотносящие его с инородцами (укр. *жидівська возуля*, болг. *циганско петля, черкез*). У южных славян удод терминологически сближается с петухом, противопоставляясь ему как чужой (цыганский) или особенный (божий, «сранный») обычному. У восточных славян удод сближается с кукушкой, противопоставляясь ей по тому же признаку - как чужая кукушка (еврейская, московская) своей, обычной кукушке. Отношения между удодем и кукушкой находят отражение в поверьях и фольклорных текстах.

Летучая мышь - нечистое существо, связанное с нечистой силой, которое соединяет в себе свойства птицы и гада - мыши или лягушки (ср., напр., ее словен. названия: *pol tice pol meš, perožaba*). Происхождение ее связывают с обычной мышью. Способность летучей мыши предохранять от сглаза объясняют ее слепотой, а способность «прилепляться» к отвесным поверхностям (ср. ее болг. название *прилен*) лежит в основе поверий и магических действий, связанных с привлечением или притягиванием чего-либо к себе (богатства, медведя, пьяных и т.д.).

У всех славян к почитаемым, святым птицам относится ласточка. В ее символике сочетаются небесное и хтоническое начала. Ласточка связана с солнцем: в южнославянских легендах она спасительница солнца и его невеста. Солярная символика проявляется также в поверьях о солнечных ожогах и веснушках, вызванных нарушением запрета причинять вред ласточке, а также в превентивных магических действиях во время прилета ласточки, направленных на защиту от загара и солнечных ожогов. Наряду с этим ласточке присуща хтоническая символика: ласточки зимуют на дне водоемов, зарываясь в ил или грязь, либо в земле под полом конюшен. Неоднозначно и отношение ласточки к гадам: с одной стороны, она выступает в легендах как противница змеи, а с другой - ласточки, по поверьям, способны превращаться в лягушек. Пение ласточки символически соотносится с говорением на разных языках и, как следствием этого, с ученостью.

Небесное и хтоническое начала объединяет в себе еще одна чистая, «божья» птица - жаворонок. Он происходит из комочка земли, брошенного в небо. Взлетает так высоко, что достигает ангелов и Бога, ему дозволено заглянуть даже в раскрытые небеса. Он зимует высоко в небе и в то же время в земле и в мышиной норе. В символике жаворонка совмещается также божье и богоборческое начала. Образ жаворонка активно используется в весенней обрядности.

Часто к «божьи», «святым» птицам относят и соловья, наделяемого мужской брачной и эротической символикой. Образ соловья тесно связан с образом кукушки. Нижегородский обряд проводов весны с чучелом «соловухи» имеет явную аналогию с южнорусским обрядом похорон «кукушки». Время окончания пения соловья тесно переплетается в народных представлениях с временем прекращения кукования кукушки. Связь образов соловья и кукушки прослеживается в легендах. Песенный фольклор тоже отражает взаимоотношения этих птиц.

В многообразной символике аиста выделяются две главные характеристики: его человеческие свойства и защитные, отвращающие способности. Отдельные признаки являются общими у него с журавлем (маски святочных ряженых) или частично переносятся на журавля, как это имеет место в ряде балканских традиций (почитание как «святой» птицы, убийство одного из братьев перед отлетом, отвращающее действие пера, поджигание дома обидчику). На севере России, где аист как таковой не встречается, аистиная символика представлена частично и у журавля, и в еще большей степени - у лебедя. Об архаике мифологического представления о земле аистов может свидетельствовать его география (Балканы, включая Грецию, Поморье и Пруссия). Представления об аисте выявляют ряд ареальных соответствий: восточнославянско-польско-болгарские (легенда о происхождении аиста из человека, выпустившего гадов, мотив собраний аистов перед отлетом, связь аиста с градом и градовой тучей, мотив аистиного снега), полесско-польско-южнославянские (мотив несения аистами на себе ласточек или трясогузок во время перелета), восточнославянско-

польские (колесо или борона в гнезде аиста, человеческие свойства аиста, примета о выбрасывании аистом птенца или яйца из гнезда) и др.

Плавающим птицам присущи некоторые общие демонологические представления и сходная брачная символика в фольклорных текстах. Утка и гагара фигурируют в легендах о сотворении мира, считаются дьявольскими птицами и наделяются демоническими свойствами. В песенном фольклоре утка - распространенный образ девушки, невесты, а селезень - жениха. Дикая гусь наиболее близок журавлю и аисту (сходная роль масок этих птиц в святочной обрядности и общая эротическая символика клевания, одинаковые способы сбивания этих птиц с пути, сходные календарные приметы о первом снеге в связи с их отлетом, сходные ритуальные действия при встрече гусей и аистов, продуцирующее воздействие диких гусей и аиста на домашнюю птицу), но у гуся сильнее, чем у аиста и журавля, выражена мужская брачная символика. Демонические свойства приписываются гусю преимущественно в западнославянской традиции. Образ лебедя сочетает в себе разнородные черты. Одни из них сближают его с аистом: почитание, связь с деторождением, человеческие особенности и др. Другие, слабее выраженные, объединяют его с уткой: демонологические представления и женская символика.

Символика кукушки, одной из самых мифологизированных птиц с ярко выраженным женским началом, отражает разнообразные связи этой птицы с другими птичьими персонажами - ястребом, соловьем, совой и удоом. Ряд поверий сближает кукушку и с другими птицами: как и аист, она переносит на своих крыльях уставших птиц; как ласточка и перепелка - зимует под водой, как жаворонок - прячется на зиму в землю. Как и ласточку, кукушку называют ключницей. Мотив ключей присутствует в поверьях (кукушка - хранительница ключей от «вырея»), весенних обычаях (обычай звенеть ключами при первом куковании), легендах и приговорах (мотив потерянных и найденных ключей). Кукушке свойственны хтонические черты. Она зимует в земле и прилетает весной одновременно с появлением земных гадов. В поверьях и легендах кукушка и уж связаны брачными отношениями. Лягушку и кукушку сближают приметы, связанные с их первым криком весной, и языковая передача их крика. Особенно ярко выражена у кукушки символика смерти. Она проявляется в приметах, связанных с появлением и кукованием кукушки вблизи жилья, в гаданиях по кукованию о сроке наступления смерти, в поверьях о душе в облике кукушки и в представлении о ней как вестнице с того света, осуществляющей контакт между живыми и умершими. Кукование - распространенный символ погребального плача. Сравнительный этнолингвистический анализ некоторых представлений о кукушке (примет и поверий о календарных сроках и причинах умолкания кукушки и связанных с этим последствиях), выраженных в устойчивых языковых формах (фразеологических, паремнологических) позволяет установить различные структурно-семантические типы фразеологических единиц, дающих целый ряд славянских параллелей: восточно-южнославянских (выражения с мотивом кукования кукушки до Петрова дня),

западнославянско-болгарских (выражения с мотивом умолкания кукушки после Иванова дня), восточнославянско-польских (выражения с мотивом пения кукушки или соловья до времени созревания хлебных злаков), чешско-словенских («кукушка после Иоанна Крестителя дороговизну кукует»), полесско-хорватских («до Петра куде, по Петру куры бье»), полесско-русских («променять кукушку на ястреба») и др.

Самая маленькая птичка (королек или крапивник) выполняет связующую роль между небесами и подземным миром, между птицами и гадами. Это птичий царек; «подзаборный король», сниженный двойник орла, общепризнанного царя птиц. Большой - подлинный царь, маленький - фальшивый. Королек или крапивник становится царем птиц путем обмана, впоследствии разоблаченного: выигрывает состязание в высоте полета, спрятавшись в оперении орла. Как и орел, корольек спускается под землю: проникает глубже всех птиц в мышиную нору (отсюда другое его название - «мышиный король»).

Отсутствие единой символики куропатки у всех славян объясняется неодинаковой распространенностью одних и тех же видов куропаток на славянской территории. Женская символика куропатки ярче всего представлена в южнославянском фольклоре. Соответствием южнославянской куропатке является у поляков и восточных славян женский образ перепелки, характерный для песенного фольклора, а у восточных славян - тетерки. Случаи языкового сближения перепелки и тетерки отмечены в севернорусских диалектах. В жатвенном обряде особо выделяются тексты и ритуальные предметы, отражающие символику этой птицы, характерную для календарного цикла. Процесс жатвы осмысливается как преследование и ловля перепелки, скрывающейся в хлебных колосьях, что находит отражение в текстах дожиночных песен, в посвящении перепелке последних несжатых колосьев (пожинальной «бороды», называемой также «перепелкой»). Обращения к перепелке в дожиночных песнях (просьбы остаться или, наоборот, улетать) несут в себе символическое значение перехода к новому календарному сезону: окончание жатвы знаменует наступление осени и предстоящее зимовье перепелки. Однако в поверьях и в фольклоре перепелка не всегда перелетная птица: она зимует в норе под межой или в воде, как ласточка. Выявление круга символических значений перепелки и тетерки наглядно демонстрирует, как тесно переплетается здесь и взаимно дополняет друг друга разный по характеру материал - поверья, обрядовые реалии, фольклорные мотивы и данные языка.

В **Главе 4 «Рыбы»** (с. 746-758) два параграфа: Общая характеристика и Отдельные виды.

Рыбы выделяются в народной культуре в особый класс животных по признаку обитания в воде и способу передвижения (плавание). Вода как локус характерна также для некоторых гадов (лягушки, змеи), и особенно для рака, у которого в народных представлениях обнаруживается и ряд других сближений с рыбами. К рыбам иногда относят и головастика. Особым образом, как ни у каких других животных, передается в языке и смерть рыбы. В народном

сознании рыбы в основном существуют совокупно, нерасчлененно и поэтому в народных представлениях и в фольклоре чаще представлены собирательно. Лишь некоторые из них выделяются как самостоятельные персонажи и выступают не в однородном множестве, а одиночно.

Важный отличительный признак рыб - их акустическая характеристика: неспособность издавать звуки. «Немота» рыб играет существенную роль в раскрытии их мифологической символики. Это представление определяет запрет есть рыбу детям и беременным женщинам (иначе дети долго не научатся говорить) и играет определенную роль в представлениях о рыбах как душах (немота - признак, соотносенный с миром мертвых). Хтоническая символика представлена в космологических представлениях о мифической рыбе, на которой покоится земля. Та же символика определяет принадлежность рыбы к потустороннему миру и ее символическую амбивалентность (рыба одновременно и символ смерти, и символ рождения). Связь рыб с душами умерших отражена в западноукраинском представлении о царстве мертвых как стране блаженных *рахманов* - полулюдей-полурыб, в толковании сна о рыбе как предвестье смерти, в использовании рыбы как поминального блюда и т.д. Представление о душах неродившихся детей в облике рыб отражено в народных поверьях, толкованиях снов, сказочных сюжетах. С рыбой как символом рождения и новой жизни (воплощенным в христианской традиции в «рыбной» метафорике Христа) связано употребление рыбы как обрядового блюда в рождественский Сочельник и на Благовещение, мотив рыбы в рождественских колядках, изображение рыбы на пасхальных писанках. Символика, связанная с водной стихией, проявляется в магическом использовании рыбьих костей для сохранения воды в колодце, в толковании сна о рыбе как предвестье дождя или слез, в некоторых обычаях рыбаков. Как холоднокровное животное рыба используется для излечения больного от жара, а в толкованиях снов предвещает мороз. Подобно зверям и птицам, рыбы имеют своего главу или «царя» - водяного. В роли покровителей рыб и рыболовства выступают некоторые святые (Петр, Алексей - человек Божий, Николай). С рыболовством связан целый комплекс поверий, примет, ритуально-магических действий, оберегов и запретов, касающихся рыб и рыболовных снастей. В фольклорных текстах образ рыбы часто наделяется женской символикой (невеста - рыбаца, пойманная в сети женихом-рыбаком).

Особо рассмотрены некоторые отдельные виды рыб в славянских народных представлениях: щука (водяной в облике щуки, орудия истязания Христа на лбу щуки, отвращающие и potenziрующие свойства щучьих зубов и костей, гадания по внутренностям щуки); ерш (рыболовные приметы, сказочный мотив обращения в ерша); камбала (легенды о происхождении однобокости и кривого рта), треска (легенда о следах пальцев св. Петра на жабрах); стрелядь (предание о стрелящем царе и его жене - водяной русалке); лещ (поверье о леще - предводителе рыб); плотва (запрет есть больным лихорадкой, рыболовные приметы, женская символика в свадебных песнях); сельдь (запрет есть чехонь

во избежание безумия, оберег зерна от мышей с помощью селедочных голов); карп (легенда о спасении карпом св. Николая, обычай жертвовать карпа св. Николаю в Николин день, ритуальное блюдо в Николин день, лечебные и отвращающие свойства крестообразной лобной кости карпа, превращение карпа в летающего змея); морской петух (определение направления ветра по карпу, подвешенному над рождественской елкой); кит (представления книжного происхождения о ките, на котором держится вся земля, сказочный мотив о переходе по киту на тот свет, поверье о золотых крестах на голове кита); другие мифические рыбы (огромная рыба с хребтом, поросшим плесенью и мхом, рыба, сосущая камни, впивающаяся в человека и т.п.).

В **Заключении** (с. 759-762) изложены основные результаты анализа и намечены перспективы дальнейшего исследования. Проделанный анализ дает представление об одном фрагменте общей картины мира. Главной нашей задачей было установить набор семантических элементов, из которых складывается комплекс представлений о животных, классифицировать их и на конкретных примерах рассмотреть, как они участвуют в формировании символики каждого отдельного животного. Сравнительный анализ материала позволил выявить содержательную структуру этого пласта народных верований, совокупность разнородных признаков, характеризующих животных в целом, и их дистрибуцию внутри данного круга персонажей, а также основные символические значения отдельных персонажей.

Таким образом, обычный, описательный подход сочетается в исследовании с парадигматическим. Это не просто «портретная галерея» животных, а попытка выявить в ней систему. Другой отличительной особенностью работы является то, что к анализу был привлечен весь доступный нам славянский материал. Правда, нам не удалось избежать некоторой неравномерности в подаче материала, что в значительной степени объяснялось внешними обстоятельствами.

Отметим основные особенности структурирования данного фрагмента картины мира. Весь комплекс представлений о животных представляет собой систему, пронизанную общими, повторяющимися мотивами, переплетением ролей и функций. Так, мотивы брачных отношений, происхождения из человека в результате наказания, мотив добывания «разрыв-травы» и т.д. характеризуют самых разных животных. В поверьях и приметах находит отражение появление божества животных возле человеческого жилья или встреча с ними в пути. Для многих животных, особенно птиц, важным оказывается их первое появление или первый крик весной, которые порождают многочисленные приметы и поверья, магические и ритуальные действия (умывание с прилетом первой ласточки, катание по земле при виде первого аиста, обычай звенеть монетами при первом куковании, ритуальная встреча аиста, обряды изгнания насекомых и встречи весны с прилетом некоторых птиц и т.п.).

Особенностью системы является определенный набор ролей, которые заполняются разными животными. Напр., место самой маленькой птички в этой

системе могут занимать и королек, и крапивник, и ястребинная славка. Роль домашнего покровителя отводится ласке, змее, некоторым другим гадам и насекомым. Роль вдовы приписывается сове и кукушке, инородца - удоу, куропатке, щеглу, воробью, волку, таракану, стрекозе, божьей коровке и т.д.

Спецификой данного материала является его разветвленная жанровая структура, более богатая, чем, скажем, в сфере народной демонологии. При этом каждому конкретному образу соответствует свой жанровый диапазон, который может быть и достаточно узким, как, напр., для божьей коровки и стрекозы, символика которых раскрывается главным образом в их языковых наименованиях, или для некоторых птиц (зяблика, горихвостки, поползня, славки), характеристика которых сводится к фольклорным текстам, словесно имитирующим их пение. Функционирование символики животных в различных жанрах характеризует глубинные механизмы культуры. Внутренним жанровым законам в значительной степени подчинены механизмы символизации. Мифологическая символика по-разному преломляется в разных жанрах или формах культуры и в языке.

В целом символика животных отражает существенное влияние демонологических представлений. Сам мифологический пласт народных верований неоднороден в генетическом отношении. Внутренняя реконструкция позволяет выявить в нем архаические черты и инновации. Имеются глубинные и более поверхностные мифологические уровни. К наиболее глубинному следует отнести такие обобщающие классификационные признаки, вычлняющие большие группы животных, как модус передвижения, локус обычного пребывания, единичность или множественность, которые более связаны с психологией подсознательного восприятия, нежели осмысления. Именно поэтому такие признаки редко эксплицируются в виде конкретных поверий или фольклорных мотивов.

Персонажи в системе неравноценны по значимости: есть персонажи ключевые, доминирующие и периферийные. Так, в змее воплощаются все основные черты символики гадов в целом. К ключевым персонажам можно отнести волка, кукушку и аиста. Такую же роль выполняют и некоторые группы животных, в частности, семейство воронов и группа пушных зверей во главе с куньими.

Часто роль и значение одних и тех же персонажей различны в разных славянских традициях. Так, медведь более значим в народных представлениях восточных и южных славян, чем западных. Мифологические особенности зайца ярко представлены у западных и восточных славян и гораздо слабее - у южных. Для южнославянской традиции характерна, напр., демонологизация бабочки, а для западнославянской - гуся и зайца. Символика, присущая у южных славян ласке, у восточных славян переносится в значительной степени на других животных семейства куньих, а особенности славянской символики аиста отчасти характеризуют лебедя в севернорусских представлениях. Южнославянскую народную традицию отличает большая степень календарной регламентации

представлений о животном мире, что особенно проявляется в наличии у южных славян специальных календарных дат, посвященных отдельным животным («волчи», «медвежь», «мышьиные дни», «заячий день», «змеиный праздник», дни, посвященные оберегам от гадов и насекомых).

Данная работа представляет собой лишь первый этап в процессе реконструкции праславянских представлений о животном мире. Имевшийся в нашем распоряжении материал при всем его обширном объеме не всегда позволял судить об ареальном распространении тех или иных явлений, а не имея такой картины, трудно говорить об их хронологии и решать проблему заимствований и инноваций. В недостаточной мере привлекался материал книжной традиции, столь же существенный для решения этих проблем. В свою очередь, для выявления книжных элементов важен анализ античных фактов. Кроме того, рамки нашего исследования были ограничены одной славянской традицией, а для задач реконструкции праславянского пласта верований (внешней, а не только внутренней реконструкции), для надежного разграничения генетических и типологических черт сходства необходим учет данных других этнокультурных традиций, в частности балканских (особенно румынской), балтийской, германской и иранской. В решении всех этих научных задач мы и видим перспективу дальнейшего исследования этой темы.

Публикации по теме диссертации:

Монография

1. Символика животных в славянской народной традиции. М., "Индрик", 1997. 912 с. /57 п.л./

Рец.: 1) А.В. Все о зайцах. - Книжное обозрение «Ex libris НГ» приложение к «Независимой газете», № 17, октябрь 1997 г., с. 1. 2) Вечерняя Москва... 3) Александра Горячева. - Интернет. Date: Thu, 08 Jan 1998 15:02:03 + 0300 From: «Russian Journal (<http://www.russ.ru>)» <russ@russ.ru> Organisation: Russian Journal (<http://www.russ.ru>) Русский Журнал. Книга на завтра. 7.01.98 . <http://www.russ.ru/journal/kniga/98-01-07/goriac.htm> 4) Морозов И. ... - Книжное обозрение... 5) Кабакова Г.И. ... - Revue de etudes slaves...

Статьи

2. Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда. - В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., «Наука», 1974, с. 171-180. /0,5 п.л./

3. Лингвоэтнографические различия и общность в маргинальной зоне русского Севера. - В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы третьей конференции на тему «Методика лингво- и этногеографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы». 10-12 февраля 1975. Л.,

«Наука», 1975, с. 3-38. /0,13/

4. Лингвоэтнографические различия и общность в маргинальной зоне русского Севера (на материале свадебного обряда). - В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., «Наука», 1977, с. 233-237. /0,3/

5. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре. - В кн.: Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., «Наука», 1978, с. 159-189. /3 п.л./

6. Гура А., Терновская О., Толстой Н. Земля и люди. - «Курьер ЮНЕСКО», 1978, 31 г. изд., сентябрь-октябрь, с. 13-17. /0,1 п.л./

7. Ласка (*Mustela nivalis*) в славянских народных представлениях. 1. - В кн.: Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., «Наука», 1981, с. 121-138. /1,5 п.л./

8. Принципы составления диалектного словаря традиционной народной культуры. - В кн.: Структура і розвиток українських говорів на сучасному етапі. XV Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей і повідомлень. Житомир, [Житомир. облтипографія], 1983, с. 90-92. /0,2 п.л./

9. Об одном малом фольклорном жанре в Полесье (словесная передача птичьих голосов). - В кн.: Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., «Наука», 1983, с. 134-136. /0,2 п.л./

10. Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М., сост. Программа полесского этнолингвистического атласа. - В кн.: Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., «Наука», 1983, с. 21-46. /3 п.л./

11. Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу. - В кн.: Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., «Наука», 1983, с. 49-153. /6 п.л./

12. Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры. - «Советская этнография», 1984, No 4, с. . [Совместно с О.А. Терновской.] /0,2 п.л./

13. Заяц. [Пробная статья.] - В кн.: Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словника. Предварительные материалы. М., [«Наука»], 1984, с. 129-149. /1 п.л./

14. Ласка (*Mustela nivalis*) в славянских народных представлениях. 2. - В

кн.: Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М., «Наука», 1984, с. 130-159. /2,2 п.л./

15. Фразеология в славянских орнитологических представлениях (кукование кукушки). - In: Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. [Т.] IV. Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk - Łódź, Ossolineum, 1988, s. 243-258. /1 п.л./

16. Вербальные звукоподражания в общении человека с птицами и животными. - В кн.: Этнолингвистика текста. Вып. 1. М., «Наука», 1988, с. 107-109. /0,2 п.л./

17. Полесские формулы обращения к волку при встрече с ним. - В кн.: Этнолингвистика текста. Вып. 1. М., «Наука», 1988, с. 109-111. /0,1 п.л./

18. Схема описания мифологических персонажей. - В кн.: Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран юго-восточной Европы. София, 30.VIII.89 - 6.IX.89. Проблемы культуры. М., [«Наука»], 1989, с. 78-85. [Совместно с Л.Н. Виноградовой, Г.И. Кабаковой, О.А. Терновской, С.М. Толстой, В.В. Усачевой.] /0,5 п.л./

19. Материалы к сравнительной характеристике женских мифологических персонажей (серболужицкие параллели). - В кн.: Материалы к МШ Международному конгрессу по изучению стран юго-восточной Европы. София, 30.VIII.89 - 6.IX.89. Проблемы культуры. М., [«Наука»], 1989, с. 115-132. /1,2 п.л./

20. *Воробей испечен*. - В кн.: Philologia slavica: К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., «Наука», 1993, с. 43-49. /0,5 п.л./

21. Вербальная имитация голосов животных в славянском фольклоре. - В кн.: Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов. М., 1993, с. 132-152. /1,6 п.л./

22. Из словаря «Славянские древности». Ворон и ворона. - «Славяноведение», 1993, No 1, с. 21-28 /0,7 п.л./

23. Кому отвечает кукушка? Животный мир в народных представлениях. Волк. - «Родина», 1994, No 7, с. 117-119. /0,5 п.л./

24. Заяц. - «Родина», 1994, No 11, с. 117-118. /0,4 п.л./

25. Ласка, куница и другие. - «Родина», 1995, No 2, с. 109-110. /0,3 п.л./

26. Медведь. - «Родина», 1995, No 8, с. 85-87. /0,4 п.л./

27-43. [17 словарных статей:] Аист; Волк; Волколак; Воля; Воробей; Ворон, ворона; Вошь; Выдра; Вьюн, угорь; Гады; Гнездо; Голубь; Горностай; Гусеница; Гусь. - В кн.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., «Международные отношения», 1995. [Некоторые статьи в соавторстве]. /7,51 п.л./

44-61. [18 словарных статей:] Аист, Волк, Воробей, Ворон, Вошь, Гады, Гнездо, Жаворонок, Заяц, Кукушка, Ласка, Ласточка, Лягушка, Медведь, Мышь, Орел, Рыбы, Ящерица. - В кн.: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., «Эллис Лак», 1995. /4,45 п.л./

62. Bocian w słowiańskich wyobrażeniach ludowych. - In: Etnolingwistyka. [Z.] 7. Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin. 1995 /1,2 п.л./

64. Звуки и голоса животных. - В кн.: Голос и ритуал. Материалы конференции. Май 1995 г. М., 1995, с. 15-19. /0,4 п.л./

65. Zwierzęta jako opiekunowie domowi. - In: Dom w języku i kulturze. Pod red. G. Sawickiej. Szczecin, 1997, s. 207-214. /0,55 п.л./

66. Таракан в компьютере. - Чистая линия. Журнал чистоты жизни, 1997, No 6, с. 25. /0,15 п.л./

67. Звуки и голоса животных в традиционных народных представлениях. - В кн.: Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. II. М., «Индрик», 1998, с. 95-102.

Для заметок

Подписано в печать 19.05.1998 г.
Объем 2,2 п.л. Тираж 100 экз.

